

Уже давно нет тех, кто мог рассказать о предвоенной, военной и послевоенной истории госпиталя. Но еще живы их дети, судьба которых неразрывно сплелась с судьбой госпиталя.

Я один из них. Мой отец был одним из основных военных врачей госпиталя - он выпускник Военно-медицинской академии, слушал лекции академика И. П. Павлова.

Еще до войны его назначили начальником рентгеновского отделения.

Смоленский госпиталь №421

Когда в июле 1941 года госпиталь срочно эвакуировался из города, все небо над Смоленском было черным от дыма пожаров. Эта картина стоит в моей памяти и по сей день. Тогда мне было четыре года. Нас бомбили на Соловьевой переправе, а машины стояли в прибрежном лесу. Потом был долгий путь на Урал, в г. Серов, где наш госпиталь находился три года. Мне пришлось с малолетства лечить зубы, и я сам, без провожатых шел в госпиталь, садился перед кабинетом стоматологов и рассказывал наизусть сидящим в очереди сводки Советского информбюро, чем вызывал неизменный смех раненых. Хотя эти сводки были поначалу далеко не веселыми. Я знал всех врачей, сестер, многие из раненых дарили мне свою любовь. Как и все, не сомневался в нашей победе, хотя жизнь была трудная и голодная. Помню, как женщина на скользкой зимней тропинке упала, и разбилась бутылочка с подсолнечным маслом. Так она в слезах на коленях потом собирала пригоршни желтого снега. Все до единой! Я помню, как по радио сообщили о взятии Киева. А потом все лето 1944 года мы в эшелоне из теплушек ехали через всю страну на запад, в освобожденный Смоленск. Мы, мальчишки, радовались этому приключению, хотя и видели страшные воронки с кусками человеческих тел. Когда вышли из вагона на конечной станции, то из уцелевших каменных построек увидели только стену разрушенного вокзала.

...Послевоенный госпиталь на Покровке - это её «значительнейшая достопримечательность», не считая аэродрома и двух авиационных полков. Летчики-«дугласисты» располагались в так называемом «красном доме», который и сейчас стоит на углу улиц Фрунзе и 12 лет Октября, рядом с

госпиталем. Там кипела общественная, спортивная и личная жизнь наших кумиров. Помню, как на выборах в какие-то органы власти выдвигался командир полка «дугласов» полковник Галич. В его короткой характеристике меня поразила цифра - около 200 боевых вылетов. А ведь когда мы вернулись в Смоленск, еще был целый год

Мне тогда казалось таким естественным, что отец, врач по профессии, сам чинил рентгеновскую аппаратуру. Он умел все: отремонтировать любые часы, сложить печку, выстругать из полена корабль, собрать радиоприемник. А еще он прекрасно рисовал. Настоящий интеллигент. Культ чтения в нашей семье был всегда. Мне

было радостно видеть, что в госпитале у отца есть коллеги-друзья. Такими были врачи Пупко, Мудров, Козлов и многие другие. Престиж врачей госпиталя был таким, что к их услугам часто прибегали администрации «Красного Креста» и областной больницы. Врачам госпиталя удавалось сочетать врачебную практику с научной работой. Некоторые из них, в том числе и мой отец, защитили диссертации. Отец был прекрасным диагностом. Много раз к нам домой приходили на консультацию со своими рентгеновскими снимками какие-то незнакомые люди, говорившие, что им посоветовали обратиться именно к нему. И ни разу отец никому не отказал. Причем все это делалось бескорыстно.

Администрация госпиталя занимала маленькое одноэтажное здание, перед которым в дни праздников на демонстрацию собирался весь госпиталь. Это было красивое зрелище: впереди - начальник госпиталя со знаменем, а за ним - офицеры, кители которых украшены орденами. Мой отец тоже шел вместе со всеми. И я был горд за него: на плечах отца - погоны полковника, на груди - орден Ленина и два - Красного Знамени.

Помню, как госпиталь в 1946 году хоронил своего начальника - полковника Парашубского. Была страшная гололедица, и машины под гору Советской улицы ехали с трудом. Помню салют у раскрытой могилы у крепостной стены и море людей вокруг.

Потом я уехал в Москву - в МЭИ, причем там уже на пятом курсе училась и моя старшая сестра Лида. В нашей семье все трое детей стали инженерами. Жаль, что никто не пошел по стопам отца. Его таланты отозвались в нас лишь частично.

По просьбе автора мы не указываем фамилию и другие данные.

Центр города.

до Победы. Мы не раз через окно лазили в клуб на первом этаже, где показывали интересные фильмы. Спортивная площадка у стены госпиталя не пустовала до самого глубокого вечера. На территории госпиталя, за забором, располагались многочисленные корпуса с порядковыми номерами от первого до десятого. Отделение №9 (туберкулезное) внушало ужас. А вот №10 - это совсем «из другой оперы», там лежали жертвы фронтовой любви. По узкоколейке, расположенной по периметру госпиталя, курсировала дрезина с большими чанами - едой для раненых. Главный корпус поражал воображение своим величием, и даже сейчас он впечатляет.

Рентгеновское отделение располагалось на первом этаже, и главным там был мой отец. Его сотрудники жаловались на его вспыльчивость, но от него никто не уходил. Жили мы, как и другие семьи сотрудников госпиталя, в каменном трехэтажном доме у самого оврага, где много позже находилось инфекционное отделение Покровской больницы. И сейчас, спустя 60 с лишним лет, этот дом, вернее его остов, притягивает меня. Каждую осень перед 1 сентября я брожу вокруг заросшего кустами нашего старого дома, и мне слышатся голоса моих друзей, наших родителей, голоса далекого и такого светлого детства. Помню, как моя мама с такой же «ненормальной» подругой и соседкой Зоей Александровной Козловой спасла щенка, угодившего в выгребную яму. Этот пес жил потом в нашей семье многие годы.

Смоленск во время оккупации.

Дети войны.